

Катаяма Сэн

Моя жизнь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С97

С97 **Сэн К.**
Моя жизнь / Катаяма Сэн – М.: Книга по Требованию, 2023. – 81 с.

ISBN 978-5-519-88610-9

ISBN 978-5-519-88610-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Условия жизни в Японии ко времени моего рождения

То, что я здесь пишу, я слышал от матери, будучи еще ребенком, позднее я узнал об этом из многих других источников. Это был период самого острого возбуждения в истории Японии. Япония, пребывала в глубокой дремоте в продолжение почти трех столетий, не имея сношений с внешним миром. Ни один японец не покидал своей родины, и иностранцы не проникали в нее; не было также и внешней торговли.

Те немногие иностранные изделия, что доходили до нас, привозились голландскими кораблями в порт Нагасаки и не имели распространения среди простого народа.

В течение этого времени японский народ сильно отстал. Токугазское правительство быстро разваливалось, вследствие бесчинств и беспорядков, чинимых его представителями. Финансовое положение ухудшалось изо дня в день, а реакционная политика правительства настолько усилилась, что народ стал повсюду восставать против своих угнетателей.

В то время для Японии представляла большую угрозу сильный нажим западных государств,

которые намеревались вторгнуться в страну, если она откажется открыть свои порты для внешней торговли.

И первое такое вторжение совершил американский командор Перри, прибывший огромной эскадрой и наполнивший ужасом сердца народа, который до сего времени никогда еще не видел таких крупных пароходов в бухте Иедо, ныне Токио.

Это произошло в 1855 году, когда Перри заключил договор с Японией, которая вскоре после того открыла торговые сношения не только с Америкой, но и со всеми другими западными странами.

К тому времени вся страна была разделена на два лагеря—на консервативный и либеральный. Первый, не желавший открыть страну для иностранного вторжения, составлял роялистскую партию—Кинно-то (которая стремилась свергнуть династию Токугава и сделать микадо (японского императора) настоящим правителем Японии; второй лагерь, возглавляемый партией, называвшей себя Кайкоку-то или либеральной партией—жаждал открыть страну для иностранной торговли и заключить коммерческий договор с западными державами.

Во главе роялистов стоял микадо с кланами Чозу и Сассу, а либералы объединились вокруг правительства Токугава.

Это последнее было на верной дороге, но консерваторы стремились его свергнуть и боролись против его политики.

Таковы были условия жизни страны, когда я появился на свет 3 декабря 1859 года, незадолго до революции, разразившейся в 1868 г.

Моя родина

Я родился в крестьянском доме, в местности, окруженной горами, в двух милях от города.

Это была небольшая деревушка с населением в 30 семейств, бедных, совершенно неграмотных крестьян.

В деревне был маленький чайный домик, где проходящим путникам подавался чай и продавались сласти.

Приблизительно в полутора милях, на вершине горы, как раз перед моим домом, был расположен большой буддийский храм. Поэтому через деревню проходило много народа, направлявшегося на богомолье.

Дом наш был довольно большой, имел четыре комнаты с кухней и был окружен двором. Рядом с этим главным домом у нас еще был отдельный домик для гостей и амбар, где хранились все необходимые предметы крестьянского обихода. Из дома можно было видеть отдаленные горы, которые зимой покрывались снежными шапками, а летом на них цвели различные цветы. Осенью деревья принимали золотистый оттенок. Птицы и дикие животные, в роде медведей, оленей и лисиц, представляли собою обильную добычу для крестьян, занимающихся охотой. К несчастью, в нашей деревне было только одно

ружье и единственной игрой, забавлявшей нас, была охота за кроликами.

За домом тянулась небольшая бамбуковая роща, защищавшая его от непогоды, а среди рощи росло крупное „Parsinom“ дерево, дававшее осенью прекрасные плоды.

Мое детство

Мои родители были крестьянского происхождения.

Отцу и матери было всего по 15 лет, когда они поженились. Конечно, это слишком рано, но тогда в Японии пятнадцатилетние дети уже считались взрослыми людьми. В этом возрасте на моего отца смотрели так, как теперь смотрят на 20-летнего человека.

Он мог читать и писать на простонародном языке. Моя же мать читала и писала по фонетическому алфавиту „Канна“, состоящему из 48 букв и из цифр. Этим алфавитом написано много популярных драм и рассказов.

Отец мой покинул нас, когда мне было только четыре года; мое воспитание всецело велось под руководством матери. Я был непослушным ребенком и часто заставлял свою мать плакать. Она хотела, чтобы я изучал китайских классиков, но я предпочитал удить рыбу, собирать каштаны и охотиться на кроликов.

Таким образом, я вырос совершенно ни к чему непригодным и мне скоро пришлось искать работы на рисовых полях и заниматься переноской тяжестей на расстоянии трех миль от города

Мой прадед прожил до 84-х летнего возраста, а моя прабабка до 74-х лет; мои дед и бабушка умерли от 50 до 60 лет, точно я не помню. Мой прадед был прямодушным и честным человеком, он умел читать и писать и почти в течение 60-ти лет был деревенским старшиной. Мой дед обладал хорошей памятью и никогда не забывал ничего из того, что ему говорили. Он никогда не делал ошибок в правописании и от начала до конца знал книгу Конфуция почти наизусть.

Мой прадед не любил много говорить, но иногда в зимние вечера он рассказывал нам что-нибудь из своих прежних приключений.

Он много путешествовал и был большим знатоком джиу-джитсу. Он даже имел диплом за полное знание этого спорта, что давало ему право открыть гимнастический зал и принимать учеников, но он этого никогда не делал.

Он любил рассказывать о своих инцидентах с ворами или „ронинами“.

Ронин — это обедневший самурай, представитель военной касты феодальных времен.

К концу власти Токугаза в Японии было много ронинов, окончательно деморализованных и деклассированных.

Мой прадед умел ловко бросать камни и убивать птиц. И благодаря упражнению в джиу-джитсу у него были огромные мускулы.

Мы оба с ним очень любили охоту и рыбную ловлю, а потому стали большими друзьями.

Он хорошо умел ловить налимов, хотя и не особенно было приятно стоять часами в воде,

но за то едва, поймав налима, мы приносили его домой, и моя мать делала нам унаги меши (жареный рис с налимом) на радость всей семьи.

Мой прадед также очень любил охоту, особенно на фазанов. В окрестных горах водилось много дичи. Эта охота являлась искусством, требующим долгой подготовки. Сначала, в продолжение долгих дней мой прадед кормил фазанов желудями, а потом в дождливую погоду отправлялся стрелять их.

Мое детство прошло среди этих приятных развлечений и таким образом я, в общем, ничему не научился.

В 1875 году над страной прокатилась могучая преобразовательная волна. Каждый более или менее подходящий храм в деревне был превращен в школу. Сначала в этих школах преподавали лишь китайских классиков, но через год, в деревне, отстоявшей от нашего дома в двух милях и называвшейся Танджоджи, была учреждена настоящая школа грамоты.

В эту школу была превращена часть большого буддийского храма и она обслуживала несколько окружающих деревень.

Я посещал ее в общем итоге в продолжение ста дней и в течение первой половины этого времени выучил азбуку и арифметику.

Сверх того я узнал, что земля кругла, и что солнце не путешествует с Востока на Запад с тремя парами металлических сандалий, как рас-

сказывалось нам в старой басне, а что земля вращается вокруг солнца.

В отношении общественных наук мы были очень отсталыми.

То, чему я научился за эти сто дней при современной образовательной системе, послужило фундаментом для моего будущего образования.

Революция 1868 года не сразу отразилась на народе; в глухих деревнях, подобной той, в которой жил я, люди никогда не слышали о гражданской войне.

Однако, в скором времени среди крестьянского населения появились старые семьи самураев, ради которых деревенские жители были вынуждены потесниться в своих домах.

Я хорошо помню земельный оброк или арендные деньги, которые выплачивались в то время феодальному господину натурой или, в большинстве случаев, рисом.

Позднее земля была отобрана у феодальных владык и передана прежним арендаторам.

В скором времени центральное правительство установило надзор за всеми обрабатываемыми землями и определило налог на стоимость земли. В то время он равнялся 3⁰/₁₀ стоимости земли.

Таким образом, крестьянам стало немного легче, чем это было при феодальном режиме.

Я работал на земле в качестве помощника.

Как я проводил свою юность

Детство было счастливейшей порой моей жизни.

Наш дом был не так уже беден, и моя мать была достаточно сильна, чтобы работать на рисовых полях.

Мой прадед был еще вполне в силах и, как я уже говорил, мы часто ходили с ним удить рыбу.

Зимой я отправлялся ловить птиц или на рыбную ловлю.

Зима на моей родине отличается мягкостью, и хотя снег у нас идет часто, но он быстро тает.

Работа японского крестьянина зимою заключается, главным образом, в заготовке топлива на целый год, а в свободное время он охотится на кроликов.

Из соседнего города к нам часто приходил один человек для охоты на кроликов. Мы старались загонять кроликов в сети. Иногда нам удавалось наловить их очень много, а подчас мы возвращались и с пустыми руками.

Поздней весной мы ходили собирать ягоды.

В это время года ни жарко, ни холодно и холмы и горы покрыты цветами и изобилуют птицами.

Летом у нас жарко, но вечерами бывает прохладно, в особенности после легкой грозы, и я любил ходить на какой-нибудь храмовой или

местный праздник, где деревенская молодежь устраивала танцы на открытом воздухе.

Но такая жизнь длилась недолго.

Мне пришлось работать, так как моя мать обеднела и к старости стала слабой.

Таким образом, я сделался заправским крестьянином, работал в поле и полел рис в самое жаркое время.

Мне приходилось переносить тяжелые ноши на расстоянии трех миль. Как-то раз зимой я шел с ношей в город по берегу реки и зашел отдохнуть в школу, где ученики громко читали китайских классиков. Тогда я подумал, что и я мог бы изучить классиков, если бы стал усиленно работать.

С этим решением я и приступил к своей учебе.

В скором времени я удостоился диплома и стал помощником учителя в деревенской школе с месячным жалованьем в одну иену (японская иена — около двух рублей).

Здесь я подготовился к поступлению в нормальную школу в Окаяме.

Как я учился дома

Я решил во что бы то ни стало учиться дома. Я начал читать китайских классиков при помощи „ключа“. Изучать китайских классиков легче, чем греческих и латинских, так как ключ настолько прост, что не представляет никакого труда читать и понимать их, поскольку дело касается простого чтения.

Этот ключ для китайских классиков называется Кана Жука, при чем рядом с каждым словом, написанным китайскими знаками, то же слово написано японскими буквами или Кана; по этому методу я прочел много китайских классических произведений без всякого учителя.

Затем я приобрел самоучитель по математике и учился самостоятельно, при чем скоро научился решать многие сложные задачи. Позднее, когда я стал посещать американский колледж, это очень много помогло мне, и я решал геометрические задачи без всякого труда.

Я часто ходил в приходскую школу, имевшуюся при храме, чтобы там мне прочли некоторые слова из хрестоматии, которой пользовались в школе грамоты. Эта книга не имеет ключа. Мне нередко приходилось идти в храм вечером и, изучив несколько новых слов у священника, возвращаться домой поздно ночью.

До моего решения начать учиться я был очень боязливым и ни за что не согласился бы возвращаться ночью домой впотьмах, из страха перед волками, но раз приняв решение, я уже не боялся даже в полночь идти по темной тропе, ведущей от храма к моему дому.

В нормальной школе в Окаяме

В 1880 году я выдержал вступительный экзамен для поступления в нормальную школу в Окаяме. В то время я предполагал, после получения диплома об окончании нормальной